

ТВ: ЛУЧШАЯ РОЛЬ МЕСЯЦА

Аристарх Ливанов:

П р а в о актера на выбор

Многие из телепремьер мая вызвали живой интерес и споры зрителей. Десятки писем пришли в адрес создателей фильма «Транзит». Большой части откликнувшихся на картину читателей газеты она по ряду причин не понравилась, хотя при этом игра исполнителей главных ролей — М. Ульянова и М. Неёловой — была оценена высоко. Некоторые телезрители, как, например, москвич А. Синельников, предлагали наградить этих артистов званием лауреатов майского конкурса. А москвичке Н. Спичарской самой интересной в мае показалась роль М. Мунзука в телевизионной картине армянских кинематографистов «Схватка» (зрители знают актера и по кинофильму «Дерсу Узала»): «В его исполнении старик Камо получился не только внешне выразительным типом северянина, жителя суровой тундры, но и образцом цельной, духовно богатой личности, в которой все — и ум, и нравственность, и сила — от родного народа и природы». Однако не меньшее впечатление на Н. Спичарскую произвела игра Л. Броневского в фильме-спектакле «Месяц в

деревне». К ее мнению присоединяются Г. Дурова и Л. Чусова из Ленинграда, Н. Лобов из Донецка, В. Ухина из Перми.

Победителем майского конкурса стал артист Аристарх Ливанов, который представил на телеэкране минувшего месяца сразу две работы — роль инженера Шахова (телеспектакль «Право на выбор») и роль Сергея Алексеева, белогвардейского офицера (телефильм «Государственная граница»). Обзор десятков писем зрителей

с высокой оценкой телеспектакля «Право на выбор» и работы в нем А. Ливанова уже был опубликован в «Советской культуре». Теперь же, подводя итоги месяца, семья Асоян из Москвы, как бы выражая мнение зрителей, пишет: «Роли А. Ливанова в «Праве на выбор» и «Государственной границе», несмотря на несхожесть, даже противоположность образов его двух персонажей, объединяет одно качество, которое всегда присуще работам этого актера: высокий профессионализм, эмоциональность, жизненная достоверность, историческая и логическая оправданность всего того, что совершают его герои на экране». Эту точку зрения полностью разделяют Р. Филимонова из Шевченко, А. Шаронова из Сочи, В. Сомов из Курска, Г. Андришина и В. Назаров из Горького, Н. Любберцев из Казани. Многим телезрителям, как и киевлянину О. Белинскому, роль Сергея понравилась прежде всего тем, что «киноартист создал трагический образ, ибо его герой до конца остается верен делу, которое обречено на крах самым ходом истории».

ПО ВАШЕМУ приглашению, уважаемые читатели, лауреат Государственной премии РСФСР А. Ливанов (высокой награды он был удостоен за роль Григория Мелехова в спектакле Ростовского театра драмы «Тихий Дон») пришел в редакцию «Советской культуры». Это было уже поздним вечером, когда промелькнул день с утренними репетициями в Театре Советской Армии (куда Аристарх Евгеньевич приглашен на роль князя Мышкина в спектакле по роману Достоевского «Идиот») с обычной ежедневной работой в Театре имени Моссовета, в труппе которого он постоянно работает вот уже почти семь лет. Добавим к этому, что артист побывал в студии звукозаписи, где в эти дни создается радиокомпозиция по роману Ю. Семенова «Семнадцать мгновений весны». Когда же ваш корреспондент разложил перед гостем письма-отклики, внимание актера вдруг привлекло письмо, тон которого был далеко не комплиментарен. Хотя автору этого письма Е. Андрееву из Семипалатинска игра артиста в телеспектакле «Право на выбор» понравилась: «Он настолько правдоподобен, что порой даже кажется, будто со следующим шагом героя мы услышим с экрана характерный металлический скрип», но у него возник вопрос: «Да, Шахов умен, может и хочет отлично работать, но жив ли в нем человек, будет ли с ним счастлива Тania? А мы можем ли быть счастливы с таким положительным героем?».

— Вот, оказывается, в чем вопрос, — вполне серьезно заметил А. Ливанов. — Помню, еще в предыдущем обзоре писем меня задело мнение Е. Конкиной из Краснолободска: она упрекает создателей спектакля в том, что Шахов напоминает Чехова. Но как же может Шахов не напоминать «человека со стороны»? Мой герой не мог не испытать на себе влияния Чехова. И Шахов мне дорог своей бескомпромиссностью, принципиальностью. С ним нелегко — но ведь человек интересен именно своей сложностью. К тому же он не боится совершать поступки — и этим притягателен. Вот Е. Андреев пишет: «Шахов приезжает на собственной машине, имея виды и средства на кооператив». А мне нравится, что он не выносит инфантилизма: поехал на Север заработать, потому что не хотел сидеть на шее у родителей. Есть в нем и ответственность, и чувство собственного достоинства — он настоящий мужик. Но можно ли назвать его положительным героем в полном смысле слова? Думаю, что правильно была озаглавлена статья в «Советской культуре»: «На пути к герою». В образах современных положительных героев мне, актеру, часто не хватает загадки, подлинной боли. И в Шахове есть определенная заданность, хотя у творческой группы телеспектакля и была попытка заставить героя оглянуться на самого себя, и финал нам виделся

иным: не счастливый конец, а лишь вопрос Тани: «Буду ли я с тобой счастлива, Шахов?». Я хотел играть своего героя так, чтобы зритель все время задавал себе вопрос: «Кто же он, этот Шахов?».

— Москвичка Г. Балашова пишет, что впервые запомнила вас «по очень точно сыгранной роли Астахова в телефильме «Затишье» — экранизации повести Тургенева, а писатель, как известно, причислял Астахова к людям, которые решились наконец взглянуть на жизнь с практической точки зрения. Кажется, тогда вы довольно проницательно разобрали вашего слишком делового и не склонного к романтичности «джентльмена». А ведь он немного напоминает Шахова...».

— Если Шахов в чем-то и эгоист, то, как говорил Чернышевский, разумный эгоист. Его деятельность направлена на благо людей: в отличие от Астахова, который посвящает досуг умножению своих доходов. Хотя какое-то сходство у этих двух персонажей есть. Мне всегда интересно, если так можно выразиться, «люди идеи». Показывая того или иного героя, я прежде всего пытаюсь исследовать природу его жизненной позиции: насколько она глубока, серьезна, благородна, каким целям служит. Я пытаюсь увлечь зрителя идеей моего героя, а потом уже понять вместе с ним, чего она стоит. Поэтому я всегда стараюсь взаимодействовать не только с партнерами, но и со зрителями. Они, в сущности, и есть мои главные партнеры. А практицизм — это тоже, если хотите, идея. Трагедию тургеневского Астахова я вижу в том, что он уничтожил себя как человека духовного: отказавшись от всего, мешающего практическому, он ушел в себе гражданина. В фильме мы подарили Астахову понимание собственной трагедии. В этом, по-моему, и была суть современного прочтения «Затишья». В Астахове, безусловно, отразился мой взгляд на современного «делового человека» — отсюда и какое-то его родство с Шаховым, который тоже чуть не прошел мимо самого себя.

— А как в ряд ваших героев вписывается князь Мышкин, которого вы сейчас репетируете?

— Уметь принять на себя боль каждого, облегчить страдания — это лишь одна сторона характера князя Мышкина. И она однажды сильно прозвучала в знаменитом фильме японского режиссера А. Курасава. Но для меня Мышкин — это прежде всего герой, который поставил своей целью переделать мир и людей, — от соприкосновения с ним меняется судьба каждого из персонажей.

— Судя по всему, у вас складывается то, что называют «своей темой в искусстве».

— В судьбе актера есть вещи, возникающие даже помимо его воли. Я по сей день испытываю на себе

влияние родителей. Около тридцати шести лет они руководили самодеятельным театром кукол при Киевском доме пионеров Октябрьского района. Я вырос в этом театре. Мне всегда хотелось самостоятельности — создал свой коллектив. Одновременно я учился в самодеятельной студии, которой руководил замечательный киевский актер Ю. Лавров (отец К. Лаврова). Помню, как с замиранием сердца сидел в его гримерной, уже понимая, что сцена — это моя любовь навсегда. Тогда еще серьезных творческих идей не было, собственно, не было ничего, кроме одержимости театром, как у отца. Поступил в Ленинградский институт театра, музыки и кино, на курс известного педагога В. Зона (у него учились Б. Чирков, П. Кадочников, А. Фрейндлих). Еще студентом начал сниматься в кино. А вот «свою тему» нашел гораздо позже. По-моему, это случилось в Ростовском тюзне (я, кстати, работал на сценах семи театров), а помог мне наш тогдашний главный режиссер Ю. Еремин (теперь он возглавляет ЦАТСа). Он научил меня многому. Когда репетировал с Ереминым пьесу Л. Жуховицкого «Орфей», впервые почувствовал потребность проследить, как в моем герое рождаются своя идея, позиция, личность. Именно это и помогло позднее сыграть Григория Мелехова в спектакле Ростовского театра драмы «Тихий Дон».

— Итак, ваш родной дом — театр?

— Театр по природе своей позволяет актеру расширять свой творческий диапазон. В кино часто бывает трудно сломать уже раз сложившееся о тебе представление, реже выпадает возможность попробовать себя в иных качествах, и поэтому я рад, что в телеспектакле «Право на выбор» мне удалось доказать, что я могу сыграть роль положительного героя. Я люблю и кино, и телевидение. Уже сыграл более чем в двадцати фильмах. Для меня одинаково интересны как сцена, так и экран. Главное, чтобы компромиссов в искусстве не было: я часто отказываюсь от сценариев, если понимаю, что материал слаб. А иногда отказываюсь просто из боязни повториться. Например, после роли Астахова не смог сразу отойти от уже найденных интонаций и пришлось воздержаться от последующих проб на роль Базарова в телефильме «Отцы и дети». Я говорю и о кино, и о телевидении, потому что принципиальной разницы в работе на большом и малом экранах не вижу, хотя не отрицаю, что у ТВ есть своя специфика. Но самое главное — телевидение дарит нам удивительно чуткого и отзывчивого зрителя, того самого партнера, перед лицом которого оглядываешься назад и постоянно спрашиваешь себя: а оправдаю ли я его ожидания?

Е. ЧЕКАЛОВА.